

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА

ПСЫ И ЧАРОДЕИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р34

Наталья Резанова
ПСЫ И ЧАРОДЕИ. КНИГА 1

Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Внутренние иллюстрации *Дмитрий Алексеев*

Иллюстрация на форзаце *Адель Кейн*

Иллюстрация на переплете *Макс Олин*

Дизайн переплета *Василий Половцев*

Резанова, Наталья Владимировна.

Р34 Псы и чародеи. Книга 1 / Наталья Резанова. —
Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. —
(Нова Фикшн. Темные герои).

ISBN 978-5-17-189188-6

В этом мире когда-то правила законы магии — но она
ослабела. В этом мире некогда царила могущественная им-
перия, но она распалась, и теперь многочисленные короли
на ее руинах грезят о чужих территориях. И есть где разгу-
ляться Королевским Псам — тайной организации лазутчи-
ков и убийц. Они следят, как одержимый маг, чьи амбиции
не знают границ, бросил вызов свой бывшей наставнице
с красноречивым прозвищем Сестра Погибели. Отныне лю-
бой человек — палач, нищая служанка, придворная дама
или министр — лишь пешки в игре, где нет места жалости.
Интересы Псов и чародеев вот-вот столкнутся, и кто знает,
кто победит тогда?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-189188-6

© Макс Олин, иллюстрация на переплете, 2026
© Резанова, Н. В., 2026
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

*А вне — псы, и чародеи, и любодее,
и убийцы, и идолослужители, и всякий
любящий и делающий неправду.*

Откровение, 22:15

*А вне — псы, и чародеи, и любодее,
и убийцы, и идолослужители, и всякий,
любящий и делающий неправду.*

Откровение, 22:15

Часть первая ЧАРОДЕИ

*В конце концов, убийство есть
убийство.
Доли смертных — ополчаться
на чудовищ,
Но кто сказал, что чудовища
бессмертны?*

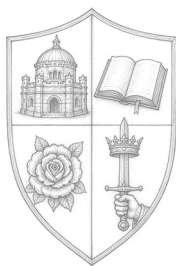
Иосиф Бродский

*1569 год от Утверждения Канона,
события Третьего — Восьмого месяцев.*

Дробеза и Лейра

Глава 1.

Во дворце и на плахе

Не каждый город может похвалиться тем, что на службе у него имеется собственный палач. Далеко не каждый. Хотя, по правде сказать, не везде он необходим. В маленьких городах смертные казни случаются редко — ну, некого обычно там казнить. А если уж обнаружится, паче чаяния, душегубец — того отправляют для экзекуции в град стольный. А на то, чтобы запихать воров, пьяниц, соблудивших жен и прочую шваль в колодки, а потом высечь, находят добровольцы либо исполнителей назначает местный староста. Но если город побольше, где есть и настоящие тюрьмы, и настоящие пре-

ступники, тут вопрос о том, кто будет производить казни, встает ребром. Подлинный умелец стоит дорого, не у всякого города казна позволит содержать такого, вдобавок обучение заплочных дел мастера требует времени.

И решают этот вопрос по-разному. Иногда в провинции приглашают палачей из крупных городов на одноразовую работу, иногда привлекают к делу гарнизонных профосов. Первое — слишком дорого, да и опасно тоже. Известны случаи, когда родственники осужденных убивали или похищали палачей, отправлявшихся на выезд. Наивные люди, они полагали, что в подобном случае казнь отменят. Ну, что ж, бывало, приходилось отменить, зато потом происходило их сразу несколько: сначала исходно приговоренного, затем означенных родственников. И вполне естественно, что выездные приезжие палачи, помимо обычного гонорара, требовали надбавки за риск.

Профос — армейский экзекутор — мог разрешить многие проблемы. Таковой должен иметься в каждой воинской части, по штату положен, так же как лекарь, квартирмейстер и жрец. Да только воинская часть не в каждом городе расквартирована, вот беда.

Потому чаще всего на эту важную, но малопочетную должность назначались добровольцы из числа осужденных преступников. Добровольцы находились всегда — ведь при таком раскладе им полагалось помилование. Ограниченное — с запрещением покидать пре-

дела тюрьмы, — но все же помилование. Так что найти кандидата труда не составляло. Однако ж чаще всего подобный добровольный палач не умел делать ничего, что необходимо при его ремесле. И поучительная процедура казни превращалась в сущее мучение как для казнимых, так и для зрителей. Нет, конечно, в толпе всегда ждут, чтоб осужденный помучился подольше, без этого и правосудие как бы не всласть. Но чего хорошего, когда осужденному отделяют голову от тела с шестнадцатого удара топором? Позор один. К тому же, если город вольный, купеческий — там, конечно, предпочитают приглашать гастролеров или брать из тюрем таких вот косоруких, лишь бы сэкономить.

Но если у города есть правитель, то для него содержание собственного заплочных дел мастера — это вопрос престижа.

В Дробезе свой палач имелся. И у его светлости князя не было оснований быть недовольным. Но и доволен он не был. Впрочем, Лайгде, князь Дробезы, вообще бывал доволен крайне редко.

— Вот, слышал я, что во времена Союзной Империи были настоящие школы палачей. Ученики постигали искусство с отроческих лет, войдя в возраст, сменяли стариков, уходящих в отставку, и не было никаких сложностей с осуществлением правосудия, — сообщил он своему министру Фиахре, усаживаясь в кресло на балконе.

— Но ведь это было так давно, — ответил Фиахра.

Кроме этой глубокомысленной банальности, Фиахра сейчас ничего не мог выдать, да князь ничего иного от него и не ждал. По правде говоря, как правило, никто не ждал. Всем в Дробезе было известно, что Фиахра — сутулый, рано облысевший толстяк — ленив и глуп и удерживается на своей должности благодаря древности рода и весьма значительному состоянию.

Князю же было известно, что Фиахра прекрасно образован, когда требует дело — энергичен, и, если называть вещи своими именами, большая сволочь. И это его светлость вполне устраивало.

Фиахра был не такой дурак, чтобы спорить с князем, да еще публично. Однако он прочел достаточно книг по истории Союзной империи, чтоб усомниться в словах его светлости. В школы палачей он не верил, равно как в школы магов и шпионов. Выдумки сочинителей — не бывает по определению.

Фиахра вообще мало во что верил, и отчасти именно это помогало ему справляться с обязанностями. Верил ли он в Семерых Богов, вращающих колесо мироздания? Если б ему задали такой вопрос, он бы, безусловно, ответил утвердительно. Ибо сам неоднократно предоставлял на подпись его светлости смертные приговоры еретикам и отступникам.

Но сегодняшняя процедура не имела к еретикам никакого отношения. Тем не менее в Дробезе ее давно ждали, причем с нетерпением. Народ здешний, как положено народу,

терпелив и многое способен вынести от обличенных силой — независимо от того, подкрепленная ли эта сила законом или нет. Но шайка некоего Хати по прозвищу Жареные Пятки перешла всякие пределы, в которые укладывается народное терпение. Слов нет, обычай при грабеже поджаривать жертве ноги, дабы вызнать, где спрятаны деньги и ценности, очень древний и распространен во множестве стран. Но как-то другие разбойники ограничивались при том взрослыми, Хати же распространял свои методы и на детей. Да и вообще перебирал с пытками, чем вызвал особое раздражение властей, ибо пытки есть привилегия суда, а не беззакония. Сочувствие же народа, нередко сопровождающее разбойников, Хати и его подельники потеряли. Так что, когда князь, наконец, выслал против Хати солдат, никто не стал укрывать атамана и его банду. Более того, арестованных даже пришлось защищать, ибо в противном случае их растерзали бы по пути в город. Но нет. Своей наглостью разбойники нанесли оскорбление власти. Они осмеливались грабить не только купеческие обозы, деревни и постоялые дворы, но и предместья княжеского города. А потому правосудие и воздаяние должны были свершиться в Дробезе.

Из-за того, что нынешнее мероприятие носило не политический, но исключительно назидательный характер, супруга его светлости оказалась присутствовать. Она заявила, что это ее утомляет, вдобавок многочасовое сидение

Часть первая ЧАРОДЕИ

на солнце и под ветром плохо сказывается на ее нежной коже. А день обещал быть как солнечным, так и ветреным. Это вообще было свойственно Дробезе с ее резкими сменами жары и холода.

Но мужчины не должны пренебрегать своими обязанностями из-за капризов погоды, даже если экзекуция растянется надолго. Суд постановил: поначалу душегубы на себе испытают то, что чувствовали их жертвы. Им будут жечь ноги на жаровнях. Но не до смерти. Потому что затем последует основная часть наказания — преступников колесуют.

Наказанию подлежало десять человек, и ясно было, что при самой четкой и слаженной работе быстро никак не управиться. Оттого начать следовало пораньше. Однако за казнью собирался наблюдать князь, а будить высокую особу за ради наказания подонков ни свет ни заря никак не подобает. И начинать пришлось отнюдь не на рассвете.

Вот простонародье — те начали собираться на площади еще затемно. Горожане, естественно, да приезжие, успевшие прибыть в Дробезу. Их было немало. Те, кто устремился в город после того, как поутру открыли ворота, оказались в задних рядах на запруженной народом площади. Оставалось надеяться, что помост изрядно высок и происходящее на нем можно рассмотреть из самых дальних уголков.

Но осужденных все не везли. Только после того, как его светлость появился на балконе

дворца в сопровождении Фиахры, стало ясно, что главные герои представления вскоре пожалуют.

Его светлость благосклонно озирает столицу подвластного ему княжества. Лишь малые города ставят у себя святилища сразу всей Семерке. Уважающий себя город строит храмы для каждого из богов в отдельности, и особо почитает того, кого избрал своим покровителем.

Покровителем Дробезы издавна считался Старший Сын, Разрушитель, и его светлость не видел никаких оснований отступать от обычая, хотя в просвещенное время цивилизованному городу почитать божество стихийных бедствий как-то не с руки. Но обычай есть обычай, он превышает доводов рассудка. И казнь была назначена на нгяр — день Разрушителя. Хотя некоторые теологи утверждали, будто для казней больше подходят рассаяр — день Дочери, ведающей мудростью (разве правосудие вершат не с ясной головой?), эркеяр — день Мастера, хозяина всех ремесел (палач ведь тоже ремесленник, верно?), или даже иеррар — день Творца (разве, расставаясь с жизнью, казнимый не воссоединяется с создателем всего сущего?).

Дробеза была вполне ортодоксальным городом, здесь почитался пантеон, признанный каноническим в те славные времена, когда королевство Михаль победило Союзную империю и само стало империей. Империя Михаль давно уже распалась на несколько самостоятельных государств, но религиозные установления,

принятые тогда, неукоснительно почитались. И ереси преследовались, а отступников в Дробезе карали на той самой площади, на которую выходил балкон дворца. Но сегодня все должно было обойтись без религиозной подоплеки. Обычная рутинная процедура, только очень длинная. А кому посвящен сей день, в сущности, не имеет значения. Главное, чтоб соблюдался порядок.

Пока что все шло прилично и благопристойно. Его светлость и сам был мужчина благообразный — с правильными чертами лица, украшенного раздвоенной на клинья светло-каштановой бородой, и светло-голубыми глазами. Облачен он был в полуофициальный сине-красный кафтан. Если б казнимы были политические преступники, пожалуй, следовало явиться перед подданными в мантии, а так — мерзавцы того не стоят. Но знаки власти все же должны быть явлены, и голову его светлости венчала легкая корона. Дробеза, конечно, вассальное княжество короля Лейры, но не следует забывать, что здесь, у себя, Лайгде — автократ в своем праве.

Наконец на площади показались повозки с осужденными. Князь узнал о них раньше, чем узрел, — по шуму в толпе. Вгляделся. Он видел Хати и его подельников в первый раз. Сам он следствием не занимался — опять-таки, не по чину мерзавцам.

Хати Жареные Пятки, багроволицый, с мощным загривком и руками-окороками, был закован в кандалы, остальные связаны попарно

сыромятными ремнями, кроме последнего, которому пары не досталось из-за того, что Хати был в железах. Этого упаковали единолично.

— Авыглядят они бодро, — щурясь на солнце, сказал его светлость. — Даже не отощали на тюремных харчах. И не похоже, чтоб их допрашивали... с пристрастием.

— С пристрастием — нет, ваша светлость. Не было такого распоряжения. Растянули, конечно, при снятии показаний для порядка, а больше нет.

— То есть наш душегуб к ним зван не был.

— Невеликого полета птицы, ваша светлость. Для допросов при тюрьме свои костоломы, из ограниченно помилованных... — Фиахра покосился на князя, словно бы уточняя: «Что-то сделано не так?»

Однако его светлость был настроен благодушно.

— И то — следовало сохранить их в нужной кондиции до казни, чтоб своими ногами на помост взошли, иначе смысл сего представления пропал бы втуне. О, вот и он. Я и не заметил, как он появился.

— Должно быть, у помоста стоял, — буркнул Фиахра.

По дощатой лестнице на помост поднимался тот, кто не был главным героем нынешнего представления, но без кого это представление не могло состояться.

В некоторых городах палачи прикрывают лица от честных людей. Но не нынешний ма-